

Дики адыгского прошло

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 13 (49)

К 150-летию ВИЗИТА АЛЕКСАНДРА II

«Все это теперь наше»

Александр II в беседе с генералом И.В.Гурко. Главная квартира (императорская ставка) в Зимнице (Болгария), 1877 год.

В сентябре 1861 г. Александр II совершил поездку в Кубанскую область. Его маршрут пролегал через Тамань, где он принял депутацию от различных черкесских обществ. Эта первая встреча являлась символическим актом, подтверждающим принятие покоренных черкесов в состав подданных российской короны.

Затем самодержец с внушительным конвоем, составленным из отборных частей Кавказской армии, проследовал в Майкоп, значительное военное укрепление на правом берегу реки Белая, находившиеся в непосредственной близости от земель абадзехов. Политическое положение этой крупной черкесской субэтнической группы на момент визита царя было двойственно: с одной стороны, все абадзехи, через 2.000 своих представителей во главе с наибом Мухаммед Амином, присягнули на верноподданство царю 20 ноября 1859 г.; с другой стороны, с июня 1861 г. абадзехи вошли в состав политического объединения (наряду с убыхами и шапсугами), во главе с коллегиальным органом управления, известным как черкесский меджлис. Целью этого последнего политического союза черкесов являлось отстаивание независимости Черкесии. Но данный лозунг не был абсолютно непрекаемым, но, напротив, лидеры меджлиса сразу попытались вступить в переговоры с царским правительством и заявили о готовности принять российское подданство, но с обязательным условием сохранения своих исконных земель, свободы вероисповедания. Военно-политическое положение черкесских областей, составивших это государственное образование, было различно. Шапсуги и убыхи находились в состоянии сопротивления экспансии царских войск. Военные действия на территории Шапсугии шли с большой интенсивностью в 1860 г. Здесь было уничтожено несколько сот аулов, шапсугское население испытывало подлинную гуманитарную катастрофу. На территории Убыхии, или правильнее будет сказать убыхского военного со-

В ЧЕРКЕСИЮ В СЕНТЯБРЕ 1861 г.

юза, от Туапсе до Бзыби, в который входили причерноморские общества натухаевцев, шапсугов, самих убыхов и абазин-садзов, интенсивных боевых действий не было.

Учитывая двойственный политический статус абадзехов, мы можем говорить как о царском визите в Черкесию (территорию черкесского меджлиса), так и о царском визите в Кубанскую область (в район, населенный его подданными, с 1859 г., абадзехами).

Признание абадзехами покорности русскому правительству

В рапорте главнокомандующего Кавказской армии военному министру 28 ноября 1859 г. сообщается, что «народ абадзехский, самый сильный и воинственный в том крае, добровольно покорился и торжественно присягнул на верноподданство его императорскому величеству».

«Переговоры о покорности начали вести абадзехи, со времени сбора отряда нынешней осенью на урочище Хамкеты для зимних действий... Умеренные условия, предложенные этому многочисленному народу, не испытывавшему еще силу нашего оружия, привыкшему к необузданной свободе и занимающему местность гористую и труднодоступную, скоро привели к желаемым последствиям.

Присяга была принесена в лагере, 20 ноября, почетными старшинами и депутатами от всех сословий, в числе от 1500 до 2000 человек. Первым присягнул Магомет-Амин, который, как главное духовное лицо в народе, много содействовал к устранению религиозных затруднений и объяснил народу, что закон Магомета не препятствует мусульманам быть подданными христианского государя.

По просьбе абадзехских старшин, генерал Филиппсон дозволил Магомет-Амину оставаться между ними, но без всякой власти, на равных правах со старшинами.

На днях я ожидаю в Тифлис Магомет-Амина с младшим его братом и депутацию из 8-ми абадзехов, почетных старшин, по одному от каждого общества.

21 ноября абадзехи, населя-

ющие горный край на верховьях рек, доставили семерых, назначенных от них, аманатов; столько же аманатов будет доставлено от нижних абадзехов и общества Туапсе, живущего на южной покатости Кавказского хребта, на верховьях реки того же наименования, при устье которой на восточном берегу Черного моря находятся развалины укрепления Вельяминовского. Общество Туапсе причисляет себя к абадзехам.

Таким образом, между верховьем Кубани и восточной границей земли шапсугов на северной покатости Кавказского хребта не осталось ни одного непокорного племени. По полученным из других частей Западного Кавказа сведениям, у натухаевцев и шапсугов происходят теперь большие народные совещания, которые, по общему направлению умов, в непокорных доселе племенах, могут также окончиться изъявлением покорности правительству.

Клятвенное обещание

Мы, старшины абадзехского народа, даем за себя и весь народ наш, без всякого исключения, присягу на верность подданства законному государю нашему императору всероссийскому на вечные времена, и обязуемся за себя и весь народ абадзехский, дворян, свободных простолюдинов и крепостных людей наших:

1) Быть навсегда верными подданными его императорского величества, исполнять общие законы империи и повиноваться начальству, которое над нами поставлено будет.

2) Никаких хищничеств и разбоев в пределах России не производить и не допускать, а виновных в том открывать и объявлять правительству для взыскания с них по мере вины, ими сделанного вреда.

3) С непокорными горскими племенами не участвовать в неприятельских против русских действиях, и охранять от этих горцев свои собственные пределы.

4) Людей преступных и неблагонамеренных у себя не держать.

5) Русских беглых возвращать немедленно ближайшему русскому начальству.

При принесении этой присяги мы излагали пред главным

местным начальником просьбы и нужды нашего народа и генерал Филиппсон объявил нам:

1) Что народ абадзехский по принесении присяги на верность подданства своему законному государю императору всероссийскому и по обеспечении этой покорности 14-ю аманатами, по выбору и указанию его, генерала Филиппсона, будет пользоваться всеми правами и преимуществами, присвоенными подданным его величества.

2) Вера наша магометанская останется неприкосновенной и ничем стесняться не будет.

3) Каждому из нас, буде пожелает отправиться на поклонение в Мекку, Стамбул или к другим мусульманским священным местам, за границу России, один или с семейством, будет беспрепятственно даваемо дозволение и паспорт.

4) Народ абадзехский освобождается навсегда от всяких податей, повинностей, рекрутства и обращения в казачье сословие.

5) Тем из нас, которые сами того пожелают, дозволяется служить в рядах русских войск и они могут быть уверены в том, что служба их и отличия не останутся без справедливого вознаграждения.

6) Права всех сословий, составляющих абадзехский народ, останутся навсегда неприкосновенными.

7) Земля, ныне принадлежащая абадзехам и занимаемая ими, остается навсегда их неприкосновенной собственностью и никакая часть ее не будет занята под казачьи станицы.

8) Законные права собственности каждого лица подтверждаются и ограждаются российским правительством. Крепостные люди дворян и простолюдинов остаются в их владении по вековому народным обычаям. Если кто-либо из крепостных людей убежит от своего владельца и явится к русскому начальству, сие последнее немедленно возвратит беглого своему владельцу безвозмездно.

9) Абадзехскому народу предоставляется право устроить управление в своем крае, своеобразно их нуждам и вековым народным обычаям. Порядок этого управления должен быть утвержден господином

главнокомандующим Кавказской армии, а для ближайшего заведывания абадзехским народом будет назначен особый русский начальник, который будет жить в Майкопе.

10) Этот начальник будет ходатаем за народ и истолкователем его нужд перед главным начальством; в дела же народные будет вступаться в таких только случаях, если увидит изменнические действия или ему будут жаловаться на неправильный суд или действия старшин, составляющих совет для управления народом.

В исполнение всех здесь написанных и нами принимаемых обязательств, мы, нижепоименованные абадзехского племени от высшего и до низшего сословий, клянемся богом и великим его пророком Мухаммедом, да будет над ним мир! И четырьмя книгами, ниспосланными богом, они суть: Инджил, Таврат, Забур и Куран. В подтверждение же истины слов наших, целуем слова Курана. Валлагиль алим Биллягиль керим. Аминь. [Далее следуют подписи старшин]. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 376. Об изъявлении покорности бжедухами и большей частью других племен предгорий между речью Лабы и Белой, абадзехами во главе с Магомет-Амином и баракаевцами. 23 октября 1859 – 6 апреля 1860 г. Л. 19 – 21 об. Документ представлен М.Н. Губжоско-вым).

Игнорируя факт признания покорности, большинство комментаторов предпочитают называть вышепротитированный документ мирным договором с той целью, чтобы тут же подвергнуть его шельмованию, как якобы совершенно неуместный и даже унижительный для России. А раз так, то и его публичное растаптывание царем в 1861 г., получает «законное» обоснование. Характерен в этом плане Ольшевский: «С абадзехами мы считались в мире, заключенном в ноябре 1859 года на урочище Хамкет. Но этот мир нельзя было считать прочным и выгодным для нас... Самым главным деятелем в заключении этого мира был Магомет-Амин... К тому же этот мир был не только стеснителен для нас, как не позволявший действовать самостоятельно и сообразно с обстоятельствами, но был унижителен по некоторым условиям, вошедшим в письменный договор... на пространстве меж-

К 150-ЛЕТИЮ ВИЗИТА АЛЕКСАНДРА II В ЧЕРКЕСИЮ

ду Фарсом и Субсом (Супом. – Прим. С. Х.), где жили абадзехи, царил мир». (Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1854 по 1866 г. Ч. V. Гл. III. // Русская старина. Т. 84. Кн. IX. СПб., 1895. Сентябрь С. 106-107).

Ольшевский всеми силами выгораживает Александра II, представляя абадзехов единственными творцами своего бедствия. Во-первых, все-таки не мир, а изъявление покорности всем народом; во-вторых, ровным счетом ничего унижительно во взаимных, зафиксированных на бумаге, обязательствах не было. Не зря же так ликовал Бяратинский, рекомендовавший Филиппсона к награде: «Государь! Я весьма счастлив, имея возможность еще до приезда в Петербург сообщить Вам о великом событии, совершившемся на правом крыле Кавказской линии. Магомет-Эмин со всеми абадзехами покорился скипетру Вашего Величества; он увлек с собой до 100 тысяч человек. Полковник Свечин, находившийся при генерал-лейтенанте Филиппсоне, личный свидетель этого события, представит Вам интересные сведения. Дело будет весьма полезно в отношении остальных племен, нами еще не покоренных. На днях я ожидаю Магомет-Эмина и, если он, как говорил Свечин, изъявит намерение иметь счастье быть представленным Вашему Величеству, то я его немедленно отправлю в Петербург. Это принесет пользу всему Кавказу, потому что хотя Магомет-Эмин и не пользуется, подобно Шамилю, всеобщей известностью, но все-таки и Турция, и наши западные соседи хорошо знают это внушительное имя. Позвольте мне просить для генерала Филиппсона орден св. Александра Невского; войскам же его сообразоволюте выразить свое удовольствие. Успех и слава увенчали их труды; до сих пор, без их вины, заслуги войск Правого крыла оставались безызвестными. Представьте им, государь, принять участие в знаках Вашего благоволения». (Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20 - 70-е гг. XIX в.) Сб. архивных документов. Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик. 2001. С. 87-88).

В-третьих, абадзехи соблюдали свои обязательства неукоснительно, что отмечают многие русские авторы. Договор был заключен в Хамкетах, и вот отзыв Е. Прудкова о жизни гарнизона в Хамкетах в 1860-1861 гг.: «Мирная жизнь и дружеские отношения с горцами в течение почти двух лет ничем не нарушались». (Прудков Е. Штурм горцами укрепления Хамкеты 14 июня 1862 года // Военный сборник. 1868. № 11. С. 7). По мнению Игнатовича, автора истории 82-го пехотного полка, «самое многочисленное и воинственное племя – абадзехи, вместе с предводителем западных горцев Магомет-Амином, изъявили нам полную покорность». (Игнатович. Боевая летопись

82-го пехотного Дагестанского его императорского высочества великого князя Николая Михайловича полка во время Кавказской войны (1845-1861 гг.) / Под ред. ген.-лейт. Чернявского. Тифлис, 1897. С. 327). Примеров нарушения условий покорности Игнатович не приводит.

В-четвертых, условия покорности были невероятно выгодны царскому командованию, которое на все 100% использовало их для строительства постов, крепостей и дорог по периметру абадзехской страны и даже на ее территории. Смотрим у Прудкова: «Занятие без боя урочища Хамкеты, и вслед затем постройка целого ряда станиц, дали нам возможность стать твердой ногой в самом центре населения абадзехов, и протянуть границы боевых линий от укрепления Псебайского прямо на северо-запад до реки Белой». (Там же. С. 4). Кстати заметить, что Хамкетинское укрепление едва удержалось при ожесточенной атаке горцев в июне 1862 г.

Ветеран военных действий в Абадзехии И. Дроздов отмечал: «В силу мирного договора 1859 года, мы беспрепятственно прорубили махошевские леса. Высота Мамрюк-гой служила базисом военных действий, откуда, имея обеспеченное сообщение с нашими резервами, по линии между Майкопом и Лабой, мы могли свободно руководить нашими операциями, и, наоборот, стеснили горцев. Просеки, сделанные нами без выстрела и без малейшего сопротивления, были чрезвычайно счастливым началом будущего завоевания. Командующий войсками, генерал-лейтенант Филиппсон, мирным договором 1859 г., конечно, на несколько лет сократил кавказскую войну. Он умел разобщить горские племена между собою, так что, на первый раз, они жили отдельною жизнью, не имея никакой связи между собой. Это обстоятельство тоже много благоприятствовало нашему успеху. Местность давала горцам столько естественных и труд-

ноодолимых защит, что, при дружном сопротивлении, война не могла бы окончиться так быстро. Население было вполне деморализовано: – оно, можно сказать, почти не сопротивлялось; но, несмотря на то, завоевание Западного Кавказа стоило немало жертв». (Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 419).

В рапорте Г. И. Филиппсона Бяратинскому от 21 января 1860 г. сообщается о передвижении массы больших и малых военных команд по долине Белой от Майкопа до

закончить, что дальнейшее к Каменному мосту движение колесного обоза и даже полевой артиллерии невозможно. Поэтому я решился отправиться туда только с пятью батальонами пехоты и двумя казачьими сотнями. 16-го числа я сделал это движение и вечером того же дня возвратился к остальному отряду. На протяжении 10 верст дорога проходит через несколько абадзехских аулов; сначала она недурна, но переходит через две глубокие балки (Кожох), покрытые лесом и образованные из отвесных каменных скал высотой до 500 фут. Проезд че-

рез эти балки для артиллерии совершенно невозможен, а разработка дорог потребовала бы огромных трудов, потому что дороге пришлось бы высекать в скале. Самое урочище Каменный мост замечательно только как удивительная геологическая редкость. Контрфорс Черных гор, тянувшийся под острым углом к Главному хребту на расстоянии нескольких сот верст, возвыша-

и не может быть аробных дорог; несколько пешеходных тропинок и одна конная ведут за контрфорс, на южной стороне которого по горным теснинам, спадающим с левой стороны в Белую и Пшехе, лепятся шесть небольших аулов Хамышкой. Другого населения в долине Белой нет, равно как нет и никакой дороги, которая бы вела через Главный хребет по этому ущелью, так как верхняя часть Белой течет в такой же трещине, как и близ Каменного моста. Хамышкевские аулы имеют аробное сообщение с долиной р. Пшехе, которая берет начало тоже из горы Фишт, откуда вытекает и Белая. По р. Пшехе идет конная тропа через горы в землю убыхов. Лесная полоса вообще в этом крае только на несколько верст не достигает хребта, но на высоте устья Фюнтера леса во многих местах истреблены значительным населением, которое издревле сгустилось по долинам Белой, Курджипса, Пшехе, Пшиша и Пскупса. Впрочем, строевого леса в этих местах совсем нет, долины и балки покрыты плодовыми деревьями (самое слово Майкоп значит яблоневая балка), а по горам растет малорослый дуб и терновник.

Самым важным пунктом в этом крае должно признать устье р. Фюнтера. Отсюда идут удобные дороги: вниз по р. Белой, вверх по долине р. Пселиеиха и очень удобно спускаясь в Курджипс и, наконец, хотя весьма трудная и неудобная, но единственная дорога по р. Фюнтеру на Фарс и далее на Хамкеты. Место для укрепления выбрал я против аула Бзунохабль и близ аула Хапачева, в 2-х верстах выше устья р. Фюнтера. Оно будет от Майкопа в 33 верстах и, следовательно, на случай враждебного переворота в крае, должно иметь самостоятельный гарнизон, а на середине этого расстояния нужно промежуточное укрепление.

К немедленной постройке укрепления близ р. Фюнтера я не решился приступить при настоящих обстоятельствах. От продолжительных дождей в начале декабря земля совершенно растворилась, выстроенное из такой земли укрепление развалилось бы весной, гарнизону пришлось бы оставаться без помешений, которых, за неимением леса, не из чего было бы построить; наконец, самый отряд не мог бы без чрезвычайного неудобства зимовать в этом крае, где ничто к тому не пригодно, а содержание лошадей было бы и совершенно невозможно, по недостатку сена вообще от малого заготовления горцами и особенно по случаю истребления саранчой. [Как видим, Филиппсон собирался строить укрепление на территории абадзехов и совершенно не предполагал, что они станут ему мешать. В качестве единственного препятствия названа зима. – Прим. С. Х.].

По этим соображениям и для сбережения войск, которые в течение трех месяцев неудо-

Александр II (годы правления: 1855-1881).
Портрет кисти Н. А. Лаврова, 1868 г.

Каменного моста: «От 1 января, № 3-й, я имел честь донести в. с., что направил действующий отряд из Хамкеты через землю абадзехов, махошевцев и егерукаевцев в Майкоп. Отсюда отряд двинулся по долине Курджипса, разработал перевал, отделяющий эту долину от долины р. Белой, и продолжал медленное движение по сей последней долине, разрабатывая дороги и прорубая просеки. Долина Белой не представляет важных затруднений для военных движений, но она вся заросла дикими плодовыми деревьями, достигающими огромной величины, и терновником. Все это образует сплошной сад на расстоянии 35 верст. От устья р. Шедубга начинаются абадзехские аулы и чем выше, тем более сгущается народонаселение. 14 января отряд расположился между четырьмя аулами, на левом берегу Белой, в 4-х верстах выше устья р. Фюнтер. 15-го числа я сделал рекогносцировку всех бродов и переездов через Белую на этом пространстве. По всем расспросам можно было

есть над уроч. Каменный мост. Когда-то этот кряж треснул от действия подземной силы и в эту трещину устремилась р. Белая. На гребне контрфорса эта трещина имеет до 350 саж., у Каменного моста – не менее 75 саж. глубины. Горцы называют это место топкие, т. е. два шага. Действительная же ширина трещины не более двух саж.; чрез нее переброшен грубой работы деревянный мост, а внизу почти водопадом стремится р. Белая. На левой стороне Белой, на небольшой поляне, обставленной амфитеатром лесистых гор, находится одно из двух мехкеме абадзехов. Это квадрат, имеющий бока в 40 саж. и обнесенный деревянным частоколом; внутри его мечеть, три жилые сакли и яма, в которой содержится человек 30 горцев за разные преступления.

Как военная позиция, уроч. Каменный мост не имеет никакого значения. Для постройки там укрепления нет места; окрестные высоты командуют им на пол-ружейного выстрела; далее вверх по р. Белой нет

К 150-ЛЕТИЮ ВИЗИТА АЛЕКСАНДРА II В ЧЕРКЕСИЮ

мимо работали, я осмелился не вполне исполнить повеление в. с. от 16 декабря, № 2, и употребить остающееся время зимней экспедиции на улучшение сообщений по р. Белой до Майкопа и особенно на проложение просеки через лес Пшигогаче в землю егерукаевцев. Этим откроется прямое и удобное сообщение Майкопа с ст. Лабинской двадцатью верстами короче настоящего; особенно же полезно будет проложение этого военного пути тем, что открытые места, на которые весной должны выселиться махошевы, егерукаевцы, темиргоевцы и кабардинцы, будут отделены от огромного лесного пространства, где до сих пор гнездились их аулы.

Вчера отряд возвратился в Майкоп и завтра направляется к вершинам р. Айрюма для просеки через лес Пшигогаче. Эту работу отряд, вероятно, кончит к 1-му февраля и будет распушен по зимовым квартирам для приготовления к летней экспедиции, которая начнется с 1-го апреля.

Мне остается доложить в. с. о настоящем положении абадзехов.

Во все время моего движения к Каменному мосту и обратно до Майкопа этот народ оставался в полной уверенности, что добровольно принятая им покорность совершенно освобождает его от всякой опасности наших враждебных действий. Аулы, через которые мы проходили, не были покинуты жителями; женщины толпами смотрели издали на проход войск, а мужчины и дети наводняли лагерь с утра до вечера. При движении к Каменному мосту в моем отряде было больше абадзехов, чем солдат. Несмотря на то, между простым народом немало людей, склонных к беспорядкам, и даже фанатиков. В продолжение всего движения было три изменнических выстрела; у нас ранено три рядовых и один убит. Но из этих отдельных случаев два произведены сумасбродом из черни, который 17-го числа и был убит в нашей цепи, в остальном подозревали одного горца, которого Магомет-Амин и старшины тотчас же арестовали и выдали мне; но так как это подозрение не подтверждалось, то наиб и старшины обязались непременно отыскать виновного и мне выдать.

Вообще я считаю обязанностью доложить в. с., что Магомет-Амин и старшины делали все человечески возможное, чтобы, при исполнении воли в. с., не произошло какого-либо беспорядка, который подал бы повод к обвинению всего народа в недобросовестности; старшины искренно желают свято сохранить принятые абадзехами обязательства; они имеют сильное влияние на народ и даже власть, насколько это возможно в народе, который несколько тысячелетий провел в необузданной свободе и которого гражданское устройство напоминает скорее времена Библейских патриархов, чем европейские идеи ци-

вильзации и государственного устройства.

Смею положительно уверить в. с., что покорность, принесенная абадзехами, искренна и, при терпении и справедливой снисходительности, может обратиться в то, что мы называем безусловной покорностью... У абадзехов нет мусульманского фанатизма, хотя этот народ более привязан к исламу, чем шапсуги и натухайцы». (Рапорт командующего войсками правого крыла Кавказской линии, ген.-л. Филиппсона, ген.-фельдм. кн. Барятинскому, от 21 января 1860 года, № 71. Майкоп).

Е. Вейденбаум откровенно лжет, когда пишет, что «абадзехи не пропускали ни одного русского в свои пределы». (Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 205).

Как только абадзехи оказались в железных тисках, то им было предложено убраться со своей земли куда прикажут либо отправиться в Турцию. Абадзехи были элементарно обмануты и не только российским командованием, но лично Александром II. Почти 2 года они строго блюли свою покорность, не подавая помощи шапсугам, терпя оскорбления и язвительные насмешки. Да, их поведение было нацелено на самосохранение – себя и своего дома – Абадзехии, но в итоге к ним приехал «гуманнейший из венценосцев XIX века», заявивший, что отныне ваша земля принадлежит мне. Абадзехам не оставлено было никакого выбора, как сопротивляться и до конца бороться за свою отчизну. И они не уникальны: разве есть в мире хоть один народ, который уступил бы свою родину (даже не свободу) без отчаянной борьбы?

Обычно дело с выселением горцев преподносится таким образом, что они не смогли воспользоваться предоставленной им исторической возможностью: проявить мудрость и просить российского самодержца дозволить им остаться на родной земле. Александр II, якобы, не был категорически настроен против горского населения Черкесии и даже не выработал еще на момент визита собственного видения проблемы. Историки, стремящиеся выгородить Александра и переложить ответственность за жесточайшую политику, направленную на уничтожение Черкесии, игнорируют существование целого ряда документов.

Решение абадзехов сложить оружие было для русского командования совершенно неожиданным шагом. В нашем распоряжении отношения Барятинского к военному министру Сухожанету от 13 ноября 1859 г., написанное за неделю до покорности абадзехов, которое со всей очевидностью показывает, что фельдмаршал не ожидал и не предполагал абадзехской покорности: «Лабинский отряд, предназначенный для действий против непокорных племен, живущих в горной полосе меж-

ду верховьями Малой Лабы и Белой, и против верхнего населения абадзехов на р. Белой, должен предварительно устроить себе укрепленный лагерь на уроч. Хамкеты (близ верховья Фарса), чтобы свезти туда 2,5-месячную пропорцию продовольственных запасов и сена и потом уже действовать наступательно, не развлекаясь отделением колонн для подвоза запасов. Последняя мера признается необходимой еще и потому, что с прошлого года горцы, приняв в обширном виде систему истребления всех запасов своего сена в кругу наступательных действий наших войск, воспрепятствовали нам далеко проникнуть в их край. Цель наших действий между верховьями Лабы и Белой (в будущем, 1860 г. – Прим. С. Х.) будет состоять в том, чтобы заставить враждебное нам население покориться и выселиться на плоскость или уйти далее в горы за р. Белую. Вместе с тем отряд будет прорубать просеки от уроч. Хамкеты по двум направлениям: прямо к укр. Майкопскому и к верховью р. Белой вдоль правого притока ее Фюнфта или где окажется удобнее». (Отношение ген.-адъют. кн. Барятинского к военному министру, ген.-адъют. Сухожанету, от 13 ноября 1859 г., № 28 // АКАК. Т. XII. Ч. 1. С. 654).

Как видим, в планах покорителя Чечни и Дагестана на 1860 год было всего-навсего дойти до Белой, т.е. до восточной границы Абадзехии. Предполагалось возведение укрепления в урочище Хамкеты, уже занятого Филиппсоном. И ни слова о походе в Абадзехию.

В мемуарах Д. А. Милютин мы находим как описание обстоятельств и причин принесения абадзехами покорности, так и весьма важные сведения, касающиеся политических манипуляций, в этой связи, высшего российского руководства. «В октябре (1859 г. – Прим. С. Х.) генерал Филиппсон, – пишет Д. А. Милютин, – стянув отряд у Каладжинского укрепления (на Большой Лабе, при выходе ее из гор), двинулся к урочищу Хамкеты, где предполагалось устроить новое укрепление, почти на середине расстояния между Лабой и Белой. Расположившись тут лагерем, приступил он к вырубке окрестного леса и приготовлению места под укрепление. В начале ноября явилась в лагерь депутация от абадзехов с предложением условий примирения. Им объявлено, что требуется не примирение, а покорность, причем назначен срок для окончательного решения. К этому сроку неожиданно явился в Хамкетинский лагерь сам Магомет-Эмин в сопровождении большого числа абадзехских старшин с конвоем из 2 тыс. всадников. После непродолжительных переговоров 20 ноября абадзехские старшины с Магомет-Эмином во главе принесли присягу покорности русскому царю с оговоркой, что народ абадзехский сохранит неприкосновенно веру, обычаи, земли и будет навсегда осво-

божден от податей и воинской службы». (Милютин Д. А. Воспоминания 1856-1860 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2004. С. 418).

Тут же Милютин отмечает, что «покорность на таких условиях, конечно, была далеко не полная и притом ничем не обеспеченная». Но, несмотря на изначально двойственное отношение к покорности абадзехов, российское руководство было: 1) весьма радо этому факту; 2) сразу же решило использовать его в своих целях не в качестве эталона или модели для замирения остальных адыгов, а в качестве политического инструмента для наращивания своего военного потенциала с последующим его обрушением на наивных горцев. Эйфория в Тифлисе и Санкт-Петербурге как раз царил не столько по духу события, а от осознания уверенности в достижении цели. Как и Шамиля, Магомет-Амина стали использовать в качестве пропагандистского инструмента. 28.11.1859 г. Барятинский советует императору отправить Магомет-Амина в Санкт-Петербург: «Хотя Магомет-Амин и не пользуется, подобно Шамилю, всеобщей известностью, но все-таки и Турция, и наши западные соседи хорошо знают это внушительное имя». (Проблемы Кавказской войны. С. 87).

Здесь Барятинский серьезно лукавит, представляя свой личный триумф над Шамилем более значимым делом, чем успех Филиппсона. В отличие от Шамиля Магомет-Амин, пользовавшийся не меньшей известностью на Западе и в Турции, бывал в Турции, вел переговоры с англо-французским командованием и получил

звание главнокомандующего войсками Черкесии. Шамиль же оставался для Запада легендой Кавказа, загадочной мифологизированной фигурой. Он сам не выезжал ни разу в Турцию и никто из крупных военно-политических деятелей союзников не видел его до капитуляции. Барятинский очень сильно пропагандировал и фигуру Шамиля, и свой триумф над ним. Он мог просто взять его в плен (либо имам погиб бы при захвате его резиденции в Гунибе); но Барятинский оттачивает шторм и предлагает имаму на почетных условиях выйти и сдаться самому со своими мюридами. В Абадзехии дело обстоит с точностью до наоборот: Магомет-Амин сам принимает решение, убеждает в его правильности весь народ; сам выступает инициатором мирных переговоров, а для их ведения сам является в Хамкеты к Филиппсону с 2.000 всадников. Это был ответственный и обдуманный политический шаг, направленный на спасение народа.

Александр II понимал значение покорности абадзехов и 6 декабря, как только полковник Свечин поспел ко двору с донесением Барятинского, пожаловал ему, Барятинскому, чин генерал-фельдмаршала, а Филиппсону – орден Св. Александра Невского. (Милютин Д. А. Воспоминания... С. 420).

Не просто ордена, а продвижения по службе был достоин именно Филиппсон, а Барятинский явно не заслуживал фельдмаршальского жезла. Он не приложил ровным счетом никаких политических или военных усилий к достижению такого успеха на Западном Кавказе. Он не удержался от проявления недовольства сво-

Барятинский А. И. (1815-1879, Женева).
Фото 1877, ген.-фельд.

К 150-ЛЕТИЮ ВИЗИТА АЛЕКСАНДРА II В ЧЕРКЕСИЮ

им монархом при выражении «глубокой признательности» за высокую награду. «Если за покорность абадзехов, - сказал он Александру, - то я должен с огорчением доложить, что в таком случае она незаслуженная». На это Александр ответил: «Нет, я находил, что ты недостаточно был награжден за покорение Восточного Кавказа, и воспользовался первым случаем, чтобы поправить дело». (Там же. С. 425).

Бесспорно, что не о таком финале 30-летней войны в Абдзехии мечтали в военных кругах: последнее действие и слово оказалось за самими абадзехами, не сокрушенными и не униженными. Закончить войну победной поступью, решительной битвой, пленением врага - всегда желанный финал войны для военачальников империи.

Именно такое настроение повлекло отказ от использования абадзехской покорности в качестве привлекательной и эффективной модели включения всей Черкесии в состав империи. Вместо дипломатической работы с шапсугами и демонстрации им всех выгод абадзехской модели царское руководство принялось манипулировать горцами, заранее отдавая себе отчет в том, что в любой выгодный момент само пойдет на уничтожение условий и итогов покорности.

Для начала Мухаммед-Амина и абадзехских старшин привезли в Тифлис, где их всячески обхаживали, а затем отправили в Петербург. В сопроводительном письме, переданном с князем Львовым, Барятинский вводит в курс своей тактики Александра II: «Моя цель в настоящее время - усыпить абадзехов, чтобы только удерживать их на текущий год от враждебных против нас дей-

ствий и воспользоваться этим временем для энергического продолжения наших действий против шапсугов. Для этого и сосредоточиваю против этих последних много самых лучших войск, и если силой оружия достигну полной власти (вот чего хотелось фельдмаршалу. - Прим. С. Х.), то и абадзехи лишатся возможности восстать. Вот что побуждает меня отправить к Вам Магомет-Эмина с абадзехскими депутатами; по возвращении своем на родину они поразят своих соплеменников чудесными рассказами о величии, блеске и благосклонности Вашей Августейшей особы». (Там же. С. 434).

Ключевые слова здесь - «усыпить абадзехов». Фельдмаршал предлагает царю участвовать в «усыплении», а, точнее, в обмане, дезинформации, манипуляции общественным мнением. Абадзехскую депутацию представили царю 18 апреля: «Все они остались весьма довольны милостивым приемом, наградами, угощениями. В течение двух недель возили их по городу и тешили всякими петербургскими диковинами». (Там же. С. 435).

28 апреля абадзехов в сопровождении князя Львова отпустили домой. В апреле 1860 г. войска стали уничтожать массу шапсугских селений в Западном Закубанье: план фельдмаршала Барятинского, одобренный Александром, начал претворяться с неумолимой жестокостью. Абадзехи были верны своей присяге и Милютин, совершивший экспедиционную поездку по маршруту Лабинская-Хамкеты-Майкоп-Усть-Лабинская - расположение шапсугского или ильского отряда на р. Иль - лагерь адагумского отряда в Неберджайской долине (11.05.1860 г. -

24.05.1860 г.) ни единым словом не обмолвился об Абдзехии, как о военном театре или цели.

Успех, достигнутый умеренным стилем общения Филиппсона, был налицо: абадзехи были верны слову, чем весьма и весьма облегчали царскому командованию достижение победы над шапсугами. Но очевидная эффективность филиппсоновской тактики совершенно надменным образом игнорировалась фельдмаршалом Барятинским, жаждавшим доказать всем и, особенно, царю собственную правоту, целесообразность ведения крайне жестокой войны и не менее жестокой политики в отношении горцев. В сентябре 1860 г. умеренный и имеющий собственное мнение по вопросам войны и мира в Черкесии Филиппсон был заменен на свирепого Евдокимова, рвущегося уничтожить адыгскую страну - не только абадзехов и шапсугов, но и мирных бжедуг, и давно, казалось бы, адаптировавшихся кабардинцев. У Венюкова содержится очень характерное высказывание Евдокимова: «Между прочим, он поставил мне в упрек, что я на этнографической карте Закубанья в 1862 г. изобразил отдельной краской бжедуг. «Когда думаете вы напечатать эту карту?» - Спросил он меня. - «Не знаю; это будет зависеть от географического общества; вероятно, в конце будущего (1863) года. - Ну, так знаете ли что, почтеннейший: если хотите придать вашей карте интерес современности, то сотрите бжедуг. Это там, в Петербурге, трактуют о гуманности, ложно толкуя ее. Я под гуманностью разумею любовь к своей родине, к России, избавление ее от врагов; а в таком случае на что же нам бжедуги? Я их выгоню, как и всех остальных горцев, в Турцию». Я, однако, не стер на своей карте бжедугского округа и хорошо сделал: бжедуги остались на своей земле, и Евдокимову не удалось выгнать их за море». (Венюков М. Кавказские воспоминания (1861-1863) // Русский архив. М., 1880. Кн. 1. С. 433).

Надо отметить, что абадзехи соблюдали все основные положения своей присяги или «клятвенного обещания». Они совершенно не участвовали в боевых действиях, еще с октября 1859 г., и мы не располагаем ни одним документальным свидетельством нарушения ими условий признания покорности. Более того, они позволяли царским войскам и инженерным частям присутствовать на восточной части своих земель и контролировать значительную часть течения р. Белой. Фактически, Александр II поднялся из Майкопа в лагерь на Фарсе (рядом с совр. станицей Новосвободная, до революции - Царская) по коренным абадзехским землям, по дороге, построенной его инженерами в условиях покорности абадзехов. Более того, абадзехи помогали строить эту

Филиппсон Г. И. (1809-1883).

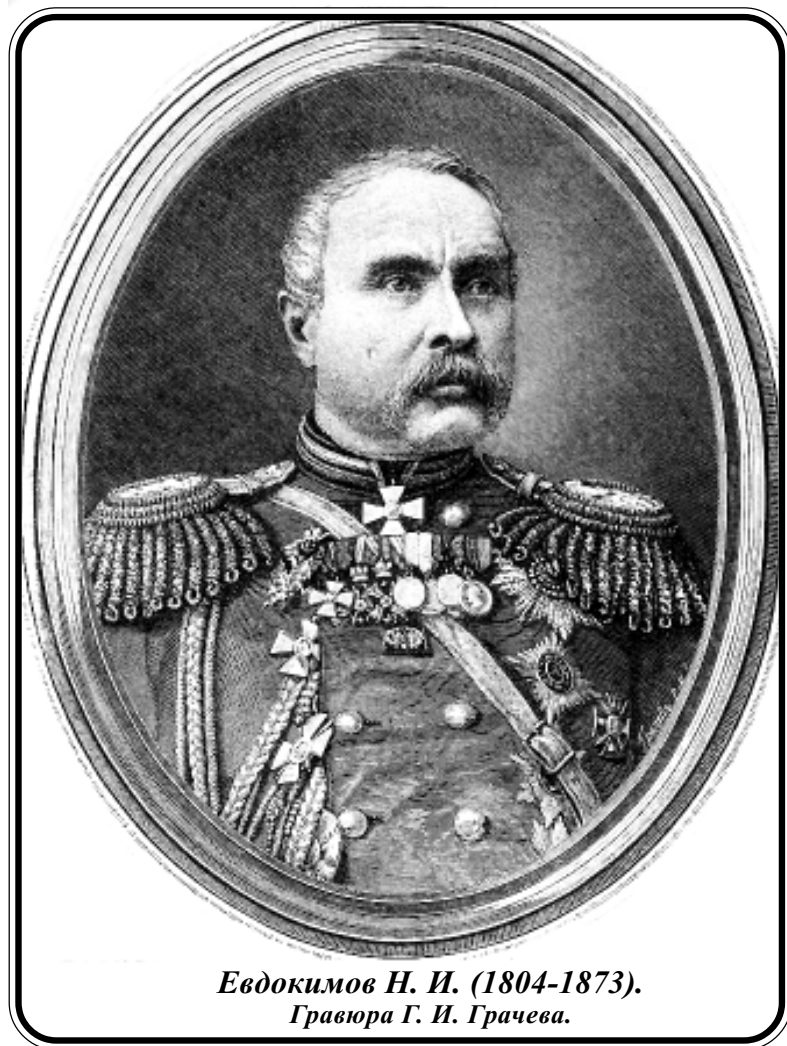
дорогу. В Абдзехии царя встречали не только лидеры черкесского меджлиса во главе с Керендуком Берзек, но и те самые старшины абадзехов, которые находились в 1860 г. у Александра в Петербурге. Царь знал их лично, поскольку они были представлены ему неоднократно на протяжении двухнедельного визита в столицу империи. Их визиту придавалось весьма важное значение, поскольку после «замирения» абадзехов, царское командование получало на Северо-Западном Кавказе огромное стратегическое преимущество и могло сконцентрировать войска против шапсугов. Кроме того, признание покорности абадзехами, главными сторонниками и последователями наиба Шамиля в Черкесии Мухаммед Амина, имело значительное идеологическое и внешнеполитическое значение. При желании, царское правительство могло распространить абадзехскую модель замирения на шапсугов. Это желание, тем не менее, почти полностью отсутствовало: все известные нам документы, включая частную переписку Александра II с его ближайшими сановниками, говорят о восприятии признания абадзехской покорности как временной меры, позволяющей расправиться с шапсугами. Формально, своим поведением и радушной приемом абадзехской старшинской депутации в Петербурге, Александр II подтвердил или подтвердил факт их вхождения в состав своих подданных. И Г. И. Филиппсон, и Барятинский были награждены царем за достижение абадзехами покорности российскому престолу. Главным условием покорности и признания российского подданства было сохранение за народом его террито-

рии: «Земля, ныне принадлежащая абадзехам и занимаемая ими, остается навсегда их неприкосновенной собственностью и никакая часть ее не будет занята под казачьи станицы».

Теперь же, 18 сентября 1861 г., спустя 20 месяцев после «клятвенного обещания», Александр II, стоя в самом сердце Черкесии, заявил лидерам меджлиса, среди которых были и абадзехские старшины, что народ, который они представляют, в полном составе обязан покинуть свою землю и переселиться туда, куда укажет начальство либо черкесы вольны убираться в Турцию. Это заявление императора известно по воспоминаниям очевидцев встречи, тогда как официальный протокол остается по сей день не опубликован, и, вполне вероятно, даже не выявлен в архивных фондах. М. Я. Ольшевский, организатор визита царя, сообщает: «Представ перед государем императором спешенными и обезоруженными, они были приняты великодушно явившимся перед ними русским царем. Но так как заявления депутатов были требовательны, то им объявлено было, что в продолжение месяца они должны окончательно решить: желают ли выселиться из гор на указанные им места, или переселиться в Турцию? В противном же случае, с наступлением ноября, откроются военные действия и их заставят исполнить уже силой оружия то или другое». (Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 528-529).

Самир ХОТКО.

(Продолжение в следующем выпуске).

Евдокимов Н. И. (1804-1873).
Гравюра Г. И. Грачева.